

Тот, кто дает дурные советы, как это делает Враг, сам становится врагом, несмотря на то, что клянется в дружбе.

Лорд-инквизитор Карамазов. О ереси, часть MMIV

— Покажи еще раз.

Хорстгельд уже давно не присутствовал на тактических совещаниях. Большую часть времени, пока длилось вторжение, его корабль участвовал в патрулировании и блокадах. Необходимости в комплексных голографических проекторах, создававших изображение в центре круглой комнаты, не возникало. Помещение для советов, отделанное безвкусными мраморными бюстами былых героев и капитанов флота, могло вместить несколько офицеров. Но в данный момент, кроме контр-адмирала Хорстгельда, здесь присутствовал только главный навигатор Стелканов.

Стелканов нажал несколько кнопок на панели управления центрального голопроектора, и в центре комнаты снова возникло зернистое изображение. Старое оборудование надо было заменить еще несколько десятков лет назад.

— Я готов признать, что качество проекции нельзя назвать отличным, — произнес Стелканов, — но с ним можно работать.

Из-за того, что офицер Стелканов проходил обучение имперскому готику во сне уже в зрелом возрасте, его речь звучала несколько высокопарно. В навигаторы Стелканов был выдвинут из замкнутого сообщества машинного отделения, где едва могли разговаривать на низком готике.

Хорстгельд стал следить за разворачивающимся изображением. Сигнал был перехвачен датчиками корабля, находившегося за пределами орбиты Каэронии. Чернота космоса рябила, вздувалась и морщилась сразу в нескольких местах; возникали туманные энергетические вспышки, говорившие о том, что какие-то объекты вырвались в реальное пространство. А затем все быстро возвращалось к исходному состоянию.

— Когда это было получено? — спросил контр-адмирал.

Стелканов обратился к своему электронному планшету, и зеленоватое свечение экрана обрисовало его тонкое лицо с большими глазами и орлиным носом. Трудно было поверить, что этот человек происходил из касты недолго живущих рабочих машинного отсека.

— Семьдесят девять минут назад, — сказал главный навигатор.

— Как по-твоему: что это может быть?

— Флотилия, капитан. Только что появившаяся из варпа.

— Довольно опрометчивое заключение, Стелканов. Во всем этом подсекторе нет больше ни одного нашего коллеги, не говоря уже об этой удаленной системе.

— Значит, это не Имперский Флот.

— Хм. — Хорстгельд поднялся и неосознанно пригладил пальцами бороду. — Есть что-нибудь еще?

— Это основное. Из тех немногих данных, что мы имеем, можно предположить, что объекты движутся медленно — как большая флотилия, сохраняющая боевой порядок. В сочетании с аномальным сигналом, принятым «Птолемеем Гамма», это очень настораживает, сэр.

— Для принятия решений мне необходимо больше информации, Стелканов. Эта задача будет второй по важности для навигаторов и группы обработки сигналов датчиков. Первой остается контакт с Хокеспур и Алариком, оставшимися на поверхности планеты. Я даже не знаю наверняка, живы ли они.

— Слушаюсь, сэр. Какие действия должны выполнить наши корабли в случае обнаружения вражеских сил?

Хорстгельд никак не рассчитывал на боевые действия в этом участке космоса. Да и инквизитору Никсосу не удалось заполучить в свое распоряжение сколько-нибудь значительные вооруженные силы.

— Подкрепление. Ищите любые имперские корабли крупнее космической яхты, которые смогут добраться до нас в течение девяноста шести часов. И если найдете, будьте готовы отправить приказ о призыве в состав флотилии. Если будет драка, я бы хотел иметь превосходящую численность.

— Все понял, сэр. Известить архимагоса Корвейлана?

— Ей об этом пока лучше не знать.

— Ей? — переспросил Стелканов.

— Насколько я знаю — да, ей. Но поставь в известность комиссара Леюнга на тот случай, если на «Образцовом» тоже засекли эти объекты. Я не исключаю, что эти франты разбегутся при первой же опасности поцарапать краску на бортах кораблей.

— Ей? — переспросил Стелканов.

— Насколько я знаю — да, ей. Но поставь в известность комиссара Леюнга на тот случай, если

на «Образцовом» тоже засекли эти объекты. Я не исключаю, что эти франты разбегутся при первой же опасности поцарапать краску на бортах кораблей.

— Конечно, сэр.

Стелканов ловко развернулся и вышел, Хорстгельд вновь обратился к изображению. Может, это корабли, может, какой-то звездный феномен или даже происки мерзких кракенов. Или последствия неполадок в датчиках — кто знает... Но появление еще одной флотилии Хорстгельду было бы совсем не по душе.

Пошел ядовитый дождь. Он падал большими тягучими каплями, шлепал по нагромождению обломков, собирался в потоки разъедающей слизи и стекал по выбоинам, образованным упавшими башнями. Дождь разъедал отмершую плоть, превращая громадные биологические массы в частокоты выбеленных костей и залежи шероховатых хрящей.

Возможно, это был вовсе и не дождь, а падающие сверху отходы биологической и промышленной деятельности — как и поток, пару часов назад пронесшийся по центру черной железной башни. Он выплеснулся в обширное углубление между фундаментами двух башен, забитое всевозможным мусором и освещенное слабым люминесцентным свечением колонии водорослей, прилепившейся к шершавому металлу несколькими этажами выше. В этом месте, расположенном гораздо ниже города башен, все, что сохранялось после падения, быстро погибало. Все признаки жизни уничтожались временем и едкими потоками, холодом и сыростью. Сам воздух был пропитан запахами химикатов и смерти. Биомеханические массы, правящие городом, ревели и двигались далеко вверх, а снизу доносились пронзительные скрипы и щелчки скалы, лежащей в основании города. Она медленно проседала под давлением множества металлических сооружений.

Воины нашли укрытие от кислотного дождя под брошенным кожухом двигателя. Жидкость ничем не могла повредить Серым Рыцарям, разве что разъела бы краску на их доспехах. Но Аларик понимал, что для выживших техностражей, техножреца Талассы и дознавателя Хокеспур воздействие химикатов могло быть губельным. По этой причине люди и остановились под крышей.

Каким-то образом все остались в живых. Поток промышленных отходов пронес их через все уровни башни. Ее нижние этажи были отданы машиностроению. Из того, что удалось мельком увидеть во время падения, Аларик понял, что и он, и все его спутники могли быть в любой момент раздавлены или сварены заживо. Но сливные шлюзы и заслонки очистительных сооружений в нужный момент открывались, и люди продолжали падать, пока их не выбросило в обширное озеро накопившихся отходов неподалеку от башни.

Казрония пока не хотела их смерти. Сначала она заставит их страдать.

— Холварн, Арчис, занимайте посты наблюдения, — скомандовал Аларик.

Двое Серых Рыцарей отсалютовали и отправились нести первую вахту. Отряд не мог оставаться

здесь надолго, но требовалось какое-то время, чтобы перегруппироваться и составить план дальнейших действий. Нельзя просто слоняться вокруг в надежде что-нибудь обнаружить — так их быстро найдут, загонят в ловушку, и во второй раз планета не станет откладывать казнь.

Хокеспур и оставшиеся техностражи пытались согреться у небольшого костра. Солдат осталось только четверо: капитан Тарк и еще трое его людей. Их доспехи сильно помялись, одежда почернела от грязи. Один из техностражей на глазах у Аларика снял свой шлем. Голова под ним была выбрита, а на затылке виднелись длинные глубокие хирургические шрамы. Похоже было, что из его черепа вынули пластину величиной с ладонь, а затем поставили ее обратно. Кроме того, на заднюю сторону шеи техностража был нанесен штрих-код.

Аларик подошел к архимагосу Сафентису, который сидел на обломке брошенного оборудования и что-то обсуждал с техножрецом Талассой.

— Ваши техностражи, — заговорил Аларик. — Они подверглись операции по подавлению эмоций.

Сафентис поднял голову, и Аларик увидел сотни своих отражений в фасетчатых глазах архимагоса.

— Совершенно верно, — кивнул Сафентис. — Я требую этого от всех, кто призван обеспечивать безопасность.

— Мне было бы нелишним знать об этом заранее. А также о том, какие узлы усиления помогают вам так хорошо сражаться. И еще я хочу знать, о чем вы говорили с тем техножрецом.

— Он возражал против нашего присутствия, — незамедлительно ответил Сафентис. — Я предложил ему сдаться, и он отверг предложение.

Искусственный голос Сафентиса не давал возможности Аларику определить, говорит ли техножрец правду или выражает свой сарказм.

— Архимагос, здесь команду я, — сказал Аларик. — Если бы вы были Серым Рыцарем, за нежелание подчиняться вам грозили бы долгие месяцы наказания.

— Но я не Серый Рыцарь, юстициарий. И возможно, нам лучше не спорить по этому поводу, а выяснить, где мы находимся и что можем сделать.

— А вам известно, где мы оказались?

Техножрец Таласса, с некоторым беспокойством следившая за их пререканиями, показала Аларику экран своего планшета:

— Механикус собрали всю информацию о Каэронии до ее пропажи. Планета сильно изменилась, но из того немногого, что нам известно, можно сделать вывод, что мы находимся здесь.

На экране электронного планшета был изображен объемный план большого города, застроенного так же плотно, как любой город-улей. Его окружали обширные пустынные плато, составлявшие большую часть Каэронии. Надпись под картой гласила: «Главный мануфакториум Ноктис».

— Ноктис был самым большим промышленным центром планеты, — продолжала Таласса.

Аларик заметил, что ее голос слегка дрожит, глаза покраснели, а дыхание стало прерывистым. Легко было забыть, какими хрупкими по сравнению с космодесантниками, как сам Аларик, были обычные люди. Женщина проглотила и вдохнула такое количество отравляющих веществ, что со временем они могли ее убить.

— Почти вся промышленность в Ноктисе относилась к тяжелому машиностроению, — продолжала Таласса, — но здесь велись и исследовательские работы, а также существовали хранилища информации. Вроде этого.

План города на экране приблизился, оставив в центре одно сооружение — высокую гладкую башню. Она поднималась над беспорядочно разбросанными индустриальными постройками связкой поставленных друг на друга массивных цилиндров.

— Это информкрепость мануфакториума, — пояснила Таласса. — Для безопасного сохранения данных.

— Если она осталась на своем месте, — заговорил Сафентис, — там могут оказаться сведения о столетнем исчезновении Каэронии и о том, что с ней произошло.

— И вы предлагаете отправиться туда? — уточнил Аларик.

— Никаких других вариантов действий мы не придумали.

— Как далеко этот город?

— Не очень далеко, — ответила Таласса. — Около трех дней пути, если не встретится других препятствий. Но только в том случае, если информкрепость все еще там и я правильно определила наше местонахождение.

— А вы сможете все это выяснить? — поинтересовался Аларик.

Таласса опустила взгляд:

— Не уверена.

— Техножрец Таласса будет весьма полезна в информкрепости, но ей одной не справиться, — сказал Сафентис. — Я смогу выполнить кое-какие простейшие функции.

— Все это мне очень не нравится. Впереди могут ожидать неизвестные преграды. Ничто не погубило так много людей на поле боя, как неосведомленность относительно предстоящего противника.

— Я не вижу другого выхода, юстициарий.

— И я тоже. Но я чувствовал бы себя более подготовленным, если бы знал о врагах все, что известно вам. Должна быть особая причина вашего личного здесь присутствия. Среди техножрецов найдутся воины и посильнее, чем вы.

— Таласса, — произнес Сафентис. — Передай Тарку, что мы вскоре отправляемся в путь.

Таласса, кивнув, поспешила к костру, где Тарк и его солдаты лечили свои раны. На какое-то время Аларик и Сафентис остались вдаль от посторонних ушей.

— Продолжайте, — поторопил Аларик.

— Это были механикумы, — заговорил Сафентис. — В некоторой степени. Но они изменились. Какая-то техноересь пустила корни на планете. Соединение биологической массы и механизмов разрешено культом Механикус только в тех случаях, когда требуется заместить или улучшить больную плоть или для того, чтобы бесполезное стало полезным во славу Омниссии, как в случае с сервиторами. Такая крупномасштабная биомеханика, какую мы видим здесь, недопустима. На этой планете техножрецы не просто подчиняют плоть и машины своей власти. Они создают совершенно новые формы жизни, а это запрещено доктринами духовенства Марса. Каждый последующий генеральный фабрикатор не раз подтверждал это положение.

— Значит, нашими врагами являются техножрецы? — спросил Аларик. — Те самые, против которых было начато расследование сто лет назад?

— Несомненно. И ересь, вероятно, проникла во все слои духовенства Каэрони. Что еще хуже, увиденное нами свидетельствует о значительном продвижении в еретических технологиях. Культ Механикус запрещает любые технологии, если они не берут начало из древности. До того как новые изобретения выйдут из наших исследовательских лабораторий, должно пройти не одно столетие. И все это время идут проверки на гарантированную безопасность. Но здесь мы видим и новшества, и создание новых существ. И они повсюду! По канонам культа

Механикус, этот мир не мог быть создан. Новые изобретения внедряются с головокружительной скоростью.

— Вы говорите так, словно восхищаетесь ими, архимагос.

— Юстициарий, это не так. Вы и сами прекрасно знаете, что ересь — это ересь. И я был бы вам очень благодарен, если бы вы впредь не допускали подобных предположений.

— Союзник, соглашающийся с врагом, сам становится врагом, архимагос. Я буду за вами присматривать.

К ним торопливо подбежал брат Холварн:

— Юстициарий! Арчис заметил стрелковые платформы. Судя по маршруту, они ищут нас.

Аларик огляделся вокруг. Отряд находился в очень уязвимом положении, почти без прикрытия, и сражение им сейчас было совсем ни к чему.

— Как далеко?

— В двух километрах. Пять платформ и, по крайней мере, два транспорта с солдатами. Идут развернутым строем. На высоте около пятисот метров.

— Значит, скоро будут над нами. Надо двигаться.

— Нам легче будет скрыться в покинутых секторах города, — сказал Сафентис. — Там за нами будет наблюдать меньше глаз.

— Ну, с этим я, пожалуй, согласен, — ответил Аларик. — Мы с Талассой наметим маршрут. Прикажите вашим техностражам быть готовыми через пять минут. И на тот случай, если остались какие-то сомнения, помните, что вы должны подчиняться моим приказам. Пока мы находимся на поверхности планеты, команду я.

— Понимаю, юстициарий.

— Здесь нечего понимать. Надо выполнять.

Техностражи вскоре были вооружены и готовы к походу. Благодаря проведенной над ними хирургической операции потрясения минувшего боя не оказали воздействия на их психику. Хокеспур выглядела более уставшей, чем могла бы признаться, а Таласса еще не стряхнула оцепенение шока и двигалась словно во сне. Но Аларика беспокоили не только они. Серые

Рыцари научили его многому. Орден считал, что настанет день, когда его назовут лидером; но одного юстициарий не мог усвоить: как поступать с противником, который находится под твоим командованием.

Аларик взглянул в сумрачное небо и увидел крохотные огоньки. Это были гравиплатформы, замеченные острыми глазами Арчиса. У Каэронии имелось множество способов убить незваных гостей. Аларик понимал, что, прежде чем они доберутся до информкрепости, указанной Талассой, появятся и другие варианты их гибели. Но им все равно придется туда идти, поскольку информкрепость означала получение сведений. Когда он узнает, с чем столкнулся, тогда сможет выступить против врага и одержать победу.

Давным-давно, когда Империум был совсем молод и живой Император появлялся среди своих подданных, еще существовала надежда. Но это было очень давно.

Надежда воплощалась в великих творениях Императора — примархах, совершенных созданиях. Каждый из них олицетворял одну из граней силы, необходимой человечеству для выполнения своей миссии — завоевания Галактики. Примархи были настолько удивительными существами, что еще накануне их сотворения из их генетического материала было создано целое поколение супервоинов — космодесантников Первого Основания. Их было двадцать больших легионов, созданных по образу и подобию двадцати примархов.

Примархов разбросало по всей Вселенной. В Эпоху Империума никто не знал, как это случилось, — то ли агенты Хаоса выкрали их со священной Терры, то ли сам Император разослал сынов по разным мирам, чтобы они обрели свойства и знания, недоступные для обитателей императорского дворца.

Во главе легионов космодесантников Император покорял Галактику, постепенно собирая разрозненных примархов, которые к тому времени уже превратились в лидеров принявших их миров. В Великом Крестовом Походе примархи воссоединились со своими легионами и возглавили их в величайшей военной кампании человечества. Они завоевывали те сегменты космоса, которым предстояло стать основной осью территории Империума — от Сегментума Солар до далеких Мутных Звезд.

Величайшим из всех примархов был Хорус. [ага, был, пока не поддался ереси]

Он командовал Легионом Лунных Волков — самой совершенной военной машиной Империума. Хорус настолько блестяще проявил себя в своем деле, что мог соперничать с самим Императором. Легион стал обоюдоострым оружием, с которым, как говорили, Хорус обращался подобно опытному фехтовальщику. Для Лунных Волков не существовало невыполнимых задач. А когда Император провозгласил Хоруса Воителем Империума, Лунные Волки превратились в Сынов Хоруса, и их новое имя отражало мастерское умение примарха руководить войсками.

Но Хорус не был совершенством. Его звезда разгорелась слишком ярко. Великий Крестовый Поход продолжал катиться по Галактике, и Хорусу постепенно открылись честолюбие и тирания Императора. Все, что совершал Император, было сделано не ради человечества, а

ради него самого, несмотря на то, что люди жили и умирали под его владычеством. Безграничная власть развратила его, и никто, даже Великолепный Хорус, не мог поколебать его веру в свое господство над всем человечеством.

И вот тогда зародились семена ереси. Хорус, величайший из всех живших людей, смог опередить Императора и осознать, что истинная судьба человечества лежит за пределами звезд — в вольном, истинном царстве варпа. Там обитали единственно достойные поклонения существа — боги Хаоса, желавшие освободить от тяжелой, подверженной болезням плоти истинный просвещенный дух человека.

Но Император, видя, что Хорус способен присягнуть кому-то более великому, переполнился ненавистью. И потому Хорус был вынужден прибегнуть к помощи сил варпа. Он стал величайшим из избранных Хаоса.

Ересь Хоруса разделила Галактику. Целых семь лет Хорус возглавлял мятеж. Во главе Легионов космодесантников, чьих примархов он убедил в справедливости своих действий, он достиг Святой Терры и стен Императорского дворца. Остальные примархи приняли сторону Императора. Их послушание Императору крепло вместе со страхом перед знаниями, обещанными человечеству Хорусом.

Величайшим из всех Сынов Хоруса стал Абаддон, правая рука Хоруса в битве. Этот воин стал воплощением сил разрушения; он подчинил свою жизнь желаниям Воителя и оставил после себя пылающий след по всей Галактике. Абаддон стал свидетелем трагического завершения Ереси Хоруса, когда Император и примарх Сангвиний устроили засаду на флагманском корабле. Хорус поразил их обоих, но и сам получил смертельную рану от меча Императора. В последние мгновения перед смертью он приказал Абаддону сохранить жизни Сынов Хоруса и не жертвовать ими в бесполезном сражении у стен Терры.

Тогда Абаддон возглавил Легион и отступил, мастерски избежав преследования мстительных войск Императора. Сыны Хоруса обрели укрытие в демоническом мире Ока Ужаса. После смерти Хоруса оставшиеся в живых верные Императору примархи договорились обмануть граждан Империума, убедив их, что Император не погиб и в его мертвом теле обитает живой бог.

В знак вечной скорби по величайшему из всех людей — по примарху, который должен был унаследовать Империум и вести человечество к эпохе просвещения в варпе, — Сыны Хоруса изменили название и стали Черным Легионом. Тем временем развращенный и обескровленный Империум переживал ужасающий упадок. Его жителей насильно заставляли поклоняться давно умершему предателю, его организации преследовали лишь одну цель — скрыть правду от граждан. Будущего для Империума не существовало.

Абаддон время от времени испытывал прочность границ Империума. В двенадцати Черных Крестовых Походах он отыскивал лазейки в обороне, надеясь вместе с Черным Легионом и оставшимися союзниками нанести Империуму смертельный удар. После того как оборона окрепла и все бреши были запечатаны, Абаддон выбрал лучших героев Черного Легиона. Они повели собственные армии, объединив их в военную кампанию, в ходе которой наследники

Империи должны были хлынуть из Ока Ужаса. Кульминацией этого похода должно было стать уничтожение Терры — тогда сопротивление Хаосу, длящееся десять тысяч лет, будет сломлено.

Избранниками Абаддона стали лучшие из лучших, безупречные воины. Одни их имена должны были повергать в ужас всех, кто присягнул на верность Императору-труп. Из их числа был и Уркратос — избранник Абаддона, капитан «Кузнеца преисподней».

Уркратос шагнул на мостик, ведущий к ритуальному залу боевого крейсера «Кузнец преисподней». Над головой капитана простирался потолок металлического зала, похожий на далекое черное небо с облаками зеленовато-желтого дыма ладана. Сверху моросили мелкие капли черной крови. В нависающих облаках металась призраки и духи, пойманные колоссальной злобной силой «Кузнеца преисподней» и обреченные на заключение в пределах корабельных палуб. Внизу клубилось море вражеской крови. Оно кипело водоворотами, в которых мелькали обнаженные тела. Эти существа в наказание за дерзость или неудачи были осуждены на вечные муки. Как бы они ни стремились к поверхности, водовороты неизменно затягивали несчастных вниз, но не позволяли успокоиться в смерти. Их слабые жалобные стоны сливались со зловещим завыванием ветра, веявшего над мостиком.

Уркратос шагнул на мостик, ведущий к ритуальному залу боевого крейсера «Кузнец преисподней». Над головой капитана простирался потолок металлического зала, похожий на далекое черное небо с облаками зеленовато-желтого дыма ладана. Сверху моросили мелкие капли черной крови. В нависающих облаках металась призраки и духи, пойманные колоссальной злобной силой «Кузнеца преисподней» и обреченные на заключение в пределах корабельных палуб. Внизу клубилось море вражеской крови. Оно кипело водоворотами, в которых мелькали обнаженные тела. Эти существа в наказание за дерзость или неудачи были осуждены на вечные муки. Как бы они ни стремились к поверхности, водовороты неизменно затягивали несчастных вниз, но не позволяли успокоиться в смерти. Их слабые жалобные стоны сливались со зловещим завыванием ветра, веявшего над мостиком.

Над морем грешников висела огромная круглая платформа с приподнятыми наподобие сидений амфитеатра краями. Это место, в котором копилась нечестивая энергия мучившихся внизу грешников, было предназначено для проведения ритуалов. Платформу покрывал забрызганный кровью песок, на нем кровью же выводились сложные ритуальные схемы. Чуть в стороне громоздилась груда мертвых тел, предназначенных для обрядов.

Жертвы специально выращивались в мире демонов, в глубине Ока Ужаса. Жизнь каждой из них с самого начала предназначалась Богам Тьмы. Клубы ладана поднимались из курильниц, для изготовления которых использовались черепа наименее полезных членов экипажа. Часть голов была развешана под высоким потолком на цепях с шипами. Черная кровь, капая сверху, непрерывно орошала поверхность обрядовой платформы.

— Феогрим! — позвал Уркратос, ступив на ритуальную платформу.

Он обращался к морщинистому согбенному старику, сидевшему в центре круга. Феогрим поднял голову навстречу Уркратосу, упал на живот и пополз к капитану «Кузнеца

преисподней».

— Я должен узнать это как можно скорее. Мы вышли из варпа в реальное пространство, скоро достигнем этого мира. Оно подлинное?

Феогрим выбрасывал вперед руки и подтягивался на них, волоча за собой туловище и ноги, пока не оказался распростертым почти у самых ботинок Уркратоса. Издали колдун производил впечатление иссохшего морщинистого старика. Вблизи становилось ясно, что на самом деле это был клубок подвижных отростков, только в силу привычки сохранявших подобие человеческих черт.

— Мой господин, Ужасные говорят, они говорят... с Феогримом, рассказывают всю правду, это так, и старый Феогрим может отличить правду от лжи...

Уркратос пинком ноги отбросил от себя Феогрима, перебив при этом несколько ребер бронированным ботинком. Но это повреждение колдун мог исправить довольно легко.

— Эта чепуха со мной не пройдет, колдун, — раздраженно бросил Уркратос. — Абаддон предупреждал меня о твоих фокусах. Ты совсем не идиот и можешь в любую секунду предать нас, как только представится возможность. А теперь еще раз, колдун. Послание было подлинным? Я не желаю, чтобы корабль попусту гонялся по варпу за эхом.

Феогрим с трудом поднялся на ноги и отряхнул спекшийся от крови песок со своего потрепанного коричневого одеяния.

— Да, все признаки были весьма убедительными, — произнес он уже более осознанно. Затем тревожно взглянул на Уркратоса, который в терминаторских доспехах был, по меньшей мере, вдвое выше любого из людей. — Со мной говорил лорд Тзинч.

— Это его демоны говорили с тобой, старик, а на каждую правду у демона найдется десяток обманов. Тебе повезет, если ты окажешься прав.

— Обязательно. Разве у меня нет свидетелей?

Феогрим указал на противоположный конец платформы. Сквозь клубящийся дым ладана Уркратос увидел сотни высохших трупов, рассаженных по амфитеатру, как публика на представлении. На мгновение Уркратос задумался, откуда колдун их взял. Но пока Феогрим, как и обещал, исправно исполнял свои обязательства перед Воителем, этот вопрос не мог долго занимать капитана.

— Ну, что же тебе известно? — спросил Уркратос.

— Слушай.

Феограм произнес несколько слов, звучание которых казалось недоступным слуху ни одного человека. Укратос нахмурился, узнав наречие почитателей Тзинча — Меняющего Пути. Колдун оказался одним из тех выроdkов, кто превозносил одного бога Хаоса перед другими, не понимая, что все они — лишь части многогранной силы, которую люди называют Хаосом.

Высохшая кровь хлопьями поднялась с пола и превратилась в капли жидкости. Они, подобно шарикам ртути, быстро соединились в висящие в воздухе лужицы. Затем их поверхность задрожала; на ней появились сотни безобразных, постоянно меняющихся лиц с открытыми в немом крике ртами.

— Рубка, — скомандовал Укратос, передавая приказ по вокс-сети корабля. Как только его голос достиг команды капитанской рубки, на канале вокса прошелестел ответ. — Воспроизведите сигнал еще раз.

Корабельные вокс-трансляторы под металлическим потолком разразились мощным потоком звуков. Лица в озерцах крови неистово залепетали, то сливаясь друг с другом, то снова расходясь.

— Тихо! — рявкнул Феограм. — Отделите истину от лжи! Меняющий Пути приказывает вам!

Сигнал затих, и Укратос стал различать отдельные звуки — короткие и длинные, словно примитивный код, звучащий в сложном ритме. Капитан понял, что в нем пульсирует древняя, очень древняя магия.

Лица стали негромко бормотать. Постепенно их речь стала формироваться в слова, составляющие истинное послание — настолько глубоко скрытое в сигнале, что извлечь его была способна только черная магия Феограма.

— Во имя Темных Богов и судьбы варпа, — вещали они. — Во имя гибели ложного Императора и кончины звезд мы приносим тебе, возлюбленный Хаосом и отвергнутый людьми Воитель Абаддон, этот дар. Настали последние дни последних горящих огней. Черное пламя поглотит Галактику, варп-шторма сметут жизнь, и придет рассвет Вселенной Хаоса. Мы клянемся в верности богам Хаоса и их глашатаю Абаддону Осквернителю. С нашим даром он вселит ужас в души почитателей Императора-трупа, и через этот ужас они познают истинное лицо смерти...

— Хватит, — произнес Укратос.

Феограм махнул рукой. Лица, безмолвно вскрикнув, растворились в темно-багровых озерцах, и кровь взмыла вверх, к облакам ладана.

— Это подлинное послание?

— Работа демонов, — ответил Феограм. — Очень древних. Да, все подлинное.

— Значит, Абаддон был прав. Это предложение дара. А там говорится, что именно они предлагают?

Феогрим развел руками. Отростки на его голове зашевелились, и на мгновение перед глазами Уркратоса возникла рыхлая серая плоть истинного лица колдуна.

— Если бы я знал, лорд Уркратос. Возможно, упомянутое подношение настолько значительно, что они хотят, чтобы вы в своем могуществе лично узрели его первым, своими собственными глазами.

— Феогрим, я тебя уже предупреждал. Меня не так легко купить на лесть, как твоих помощников.

— Да, конечно. Тем не менее, если они новички в нашем предприятии, они хотят произвести благоприятное впечатление своим подарком. Поэтому они не раскрывали его, пока мы не прибыли.

— Я был неподалеку в течение десяти тысяч лет, и чтобы произвести на меня впечатление, потребуется нечто грандиозное.

— И как вы решите, лорд Уркратос? Вы дадите им шанс?

Уркратос пристально взглянул на колдуна. Пути Тзинча, Меняющего Пути, по определению постичь невозможно. Один варп знает, что происходит в голове этого существа. Уркратосу было все равно. Пока он может служить Абаддону и высшему правителю Хаоса, он будет принимать все, что боги бросают на его дорогу.

Возможно, ему все же стоит убить этого колдуна. Никто не может безнаказанно насмехаться над избранником Абаддона. Но всему свое время.

— По этому поводу я соберу совет, колдун, — сказал Уркратос.

— Значит, так и будет?

Уркратос сердито нахмурился. Даже без мощных доспехов терминатора он мог бы разорвать колдуна пополам, как любопытный ребенок разрывает бабочку. Но он также знал, что Феогрим — такое существо, которое не умрет, если его просто убить. Когда колдун изживет свою способность приносить пользу, придется найти другой способ его уничтожить.

Уркратос развернулся и вышел из ритуального зала, оставив Феограма с его откровениями. Возможно, придется вытащить душу из тела колдуна и бросить ее в море мучеников, плескавшееся внизу. Тогда он сможет подпитывать заклинания любого другого чародея, которого Абаддон пришлет на замену. Богам бы это понравилось.

А пока Уркратос получил то, за чем пришел. Флотилия Черного Легиона в Оке Ужаса перехватила сигнал, и Уркратос убедился в его подлинности. Теперь осталось только добраться до планеты и забрать то, что предназначалось для Воителя. А может, прихватить и автора послания, чтобы поработал на благо войны. Империиум сопротивлялся с упорством потревоженного улья, и Черному Крестовому Походу пригодится любое тело, которое можно бросить в топку. Если Уркратосу удастся привлечь на сторону Темных Богов новых союзников, его ждет великая награда.

Уркратос достиг дальнего конца мостика, где его ждал палубный лифт — крашеная стальная клетка, которая ходила вверх и вниз по узкой, как глотка, шахте, давая возможность быстро перемещаться с одной палубы корабля на другую. Сейчас капитан был намерен отправиться на командную палубу, чтобы отдать приказы для последней стадии путешествия к Каэронии.

<http://tl.rulate.ru/book/30591/668718>